

7. Швед, В.В. Масоны і ложки на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.). / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, – 2007. – 275 с.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Богданович А.И.,
кандидат исторических наук, доцент

Во второй половине XIX в., в советское время, даже на постсоветском пространстве в общественном сознании и в исторических исследованиях широко утвердилось и сохраняется убеждение о том, что царская Россия была полицейским государством, в котором каждый шаг человека, особенно прогрессивно настроенного и оппозиционной власти, находился под бдительным контролем полиции или жандармов. Формированию такого убеждения поспособствовали представители как русской литературы, так и революционно-демократических течений дореволюционной России, под влиянием которых оказались не только простые обыватели, но даже советские и постсоветские ученые историки. Так, Лермонтов М.Ю. в 1830-е гг. писал о Петербурге: «Увы! Как скучен этот город, со своим туманом и водой!.. Куда ни взглянешь, красный ворот, как шишь торчит перед тобой [1, с. 154]. Под красным воротом понимался полицейский. А еще общеизвестно стихотворение, которое появилось в 70-е годы XIX в. и усилиями. Бартенева П.И было приписано Лермонтову М.Ю., а затем было напечатано в полном собрании сочинений поэта: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ. Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей [1, с. 375]. Под голубыми мундирами понимались мундиры корпуса жандармов.

Для подтверждения полицейского характера российской империи часто цитируется также высказывание генерала Ермолова А.П.: «В России на каждом голубой мундир, а если не мундир, то голубая подкладка, если не подкладка, то голубая заплатка». В советское время все эти высказывания тщательно выискивались и повсемест-

но цитировались не только в научных трудах, но и в учебниках и хрестоматиях по истории и литературе. Только после распада СССР это устойчивое предубеждение начали серьёзно пересматривать. В данной публикации нами сделана попытка развенчать миф о полицейском характере дореволюционной России.

В действительности, Россия не могла быть полицейским государством хотя бы потому, что в полиции, а тем более в корпусе жандармов не хватало людей для осуществления тотального контроля, а большинство служащих полиции не имело достаточного уровня профессиональной подготовки. Более чем за триста лет своего правления Романовы так и не удосужились обеспечить страну учебным заведением, которое готовило бы профессиональных полицейских. Нижние чины набирались, как правило, из отставных армейских унтер-офицеров, а начальствующий состав – из офицеров вооруженных сил и чиновников низких рангов. Первая попытка создать такое учебное заведение была сделана премьер-министром Столыпиным П.А. В проекте реформы российской полиции он предлагал создать специальные учебные заведения, но реализация этой идеи была отложена «в целях экономии государственных средств». Поэтому премудростям полицейской службы сотрудникам полиции приходилось учиться исключительно на практике [2, с. 213]. Практически в течение всей истории существования Российской империи полицейской службой занимались люди, не имеющие профессиональной подготовки, о чем свидетельствует краткая история российской полиции.

Полицейская служба в России возникла в 1718 г. в Санкт-Петербурге. Здесь впервые была учреждена должность генерал-полицмейстера, в обязанности которого вменялась организация работы по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Положительные результаты его деятельности способствовали учреждению четырьмя годами позже аналогичной должности в Москве. Спустя несколько лет должность полицмейстера была учреждена во всех губернских городах. На должности полицмейстеров назначались преимущественно гражданские чиновники.

В 1775 г. была создана сельская полиция, которая работала на общественных началах. В каждом уезде местные дворяне на своих собраниях выдвигали несколько кандидатур в нижний земский суд, исполнявший административно-полицейские и судебные функции.

Непосредственной его опорой и помощниками в деревнях и селах были сотские и десятские, назначавшиеся из крестьян. Первые полицейские подразделения практически повсеместно получали названия полицейских контор. В 1782 г. по инициативе Екатерины II была реформирована городская полиция. В городах были учреждены управы благочиния.

Управу благочиния в Санкт-Петербурге возглавил генерал-полицеймейстер, в Москве – обер-полицеймейстер, в губернском городе – полицмейстер, в уездном – городничий. Одновременно вводился «Устав благочиния», или полицейский устав, который преобразовывал старые полицейские учреждения в новые управы благочиния [3, с. 154]. Уставом вводились специальные служащие городской полиции, определялись ее задачи и компетенция. Состав управы благочиния был определен из городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел) и двух советников, избиравшихся горожанами на три года из наиболее авторитетных и уважаемых представителей городского купечества и ремесленников. Как видно, и тут очень важную роль играл общественный почин, кроме того, полиция в рассматриваемый период была децентрализована, полицейские органы в губерниях подчинялись губернаторам, а генерал-полицеймейстер фактически руководил лишь столичной полицией [4, с. 23].

Следующая большая реформа полиции было осуществлена в декабре 1862 г., когда были изданы «Временные правила об устройстве полиции», которые значительно упорядочивали ее структуру и деятельность. Согласно правилам, уездная и городская полиция объединялись в одну структуру – уездное полицейское управление. Уезды подразделялись на станы, возглавляемые становыми приставами. Города контролировались городскими и участковыми приставами, а также полицейскими надзирателями. С конца 1889 г. в помощь уездному полицейскому управлению, становым приставам придаются пешие и конные урядники с сохранением в селах выборных должностей сотских и десятских. В городах, не подведомственных уездной полиции, создаются городские полицейские управления, возглавляемые полицмейстерами и их помощниками с жалованьем 1500 и 1000 рублей в год. Им подчиняются участковые и городские приставы, а также околоточные надзиратели [2, с. 211].

Таким образом, мы видим, что только в 1862 г. полиция обретает черты постоянной государственной службы. В пореформенный период на численный состав полиции были наложены значительные ограничения. Например, по закону 1887 г. в городах с населением не более 2 тыс. человек полагалось не более пяти городских, в более крупных — не более одного городского на 5000 жителей. На каждых четырех городских приходился один старший. Жалованье их было сравнительно невысоким, от 150 до 180 рублей ежегодно и 25 рублей на обмундирование. Все расходы оплачивал город. Во второй половине XIX в. зарплата в 12 – 15 рублей ежемесячно считалась довольно низкой.

В 1903 г., учитывая постоянно возрастающий объем работы, выполняемой данным институтом, в уездную полицию вводится дополнительная категория нижних чинов – стражники. Объединенные с урядниками, они составляли полицейскую стражу. Должность урядника вводилась в каждой волости, а общее количество стражников определялось из расчета не более одного на 2,5 тыс. жителей. Именно поэтому, когда будущий император Александр III был встречен на пристани города Углича огромной толпой горожан и крестьян из окрестных сел, цесаревич со свитой долго не мог пройти сквозь плотную массу людей к городскому собору, а расчищать ему дорогу было некому, так как на весь уездный город Углич приходилось всего два полицейских чина [2, с. 210].

Необходимо отметить также слабое вооружение и оснащенность российской полиции. Государственный Совет, из чистого желания насолить Столыпину П.А., проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневидами. Именно поэтому в феврале 1917 г. петроградская полиция имела на вооружении лишь револьверы и «сеledки» – сабли, которыми были вооружены российские городские. Если урядники еще вооружались государством, то полицейские стражники, хотя и имели право ношения огнестрельного оружия, приобретали его за свой счет.

9 сентября 1867 г. было принято новое положение об отдельном корпусе жандармов. Основным звеном структуры отдельного корпуса жандармов были губернские управления. По Положению 1867 г. существовали жандармские управления Московской губернии, губерний первой и губерний второй категории, различия основывались на размерах губерний, этнографических и экономических

условиях. В 1871 г. были приняты "Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений", которые вводили жандармерию в число участников уголовного процесса, предоставляя ей право производства дознаний по государственным и уголовным преступлениям. Жандармы имели право совершать следственные действия – осмотры, обыски, освидетельствования.

На жандармский корпус была возложена обязанность борьбы с преступностью на железных дорогах. Жандармское полицейское управление железной дорогой создавалось на каждые 2000 верст, а жандармское отделение – на 200 верст. Бурное железнодорожное строительство привело к тому, что жандармский корпус превратился в самое многочисленное подразделение полиции [5, с. 287].

Что касается отдельного корпуса жандармов, который выполнял и функции политической полиции, то к 1917 г. он насчитывал в своих рядах 1000 офицеров и 10 000 нижних чинов, при этом большая часть чинов корпуса жандармов, около 70%, была задействована в обеспечении безопасности железных дорог. На долю собственно политической полиции оставалось менее трети. Жандармы, так же как и полицейские, набирались из офицеров всех родов войск или выпускников юнкерских училищ. Из офицеров в корпус жандармов с 1890 г. принимались только принадлежащие по образованию к 1 разряду или окончившие курс юнкерских училищ по 1 разряду. Дополнительные штаты, как и железнодорожные полицейские управления, комплектовались из унтер-офицеров всех родов войск, уволенных в запас или ушедших в отставку; нижние чины имелись только в дивизионах и назначались на общем основании.

Несмотря на то, что в органы политической полиции брали лучших офицеров и юнкеров, подготовка их была ориентирована на военную службу, а не на следственные мероприятия. Поэтому член специальной комиссии Шамшин И.И., проведя ревизию третьего отделения корпуса жандармов, отмечал крайнюю неэффективность его деятельности, связанную с отсутствием притока свежих сил, запущенностью делопроизводства, общую атмосферу застоя, устаревшие методы сыска, волокиту, слабое знание положения дел в революционных организациях. К тому же после проведения судебной реформы 1864 г. стали все более осложняться отношения между третьим отделением и судебной властью.

Лорис-Меликов М.Т. сумел убедить императора в том, что "вся полицейская часть в империи должна нераздельно вестись одним центральным учреждением...". В итоге было образовано новое учреждение – Департамент Государственной полиции, ставший высшим органом политической полиции. Практически весь состав сотрудников третьего отделения остался за бортом. Лорис-Меликов стремился к тому, чтобы новое учреждение состояло из "законников", то есть, гражданских лиц, имеющих юридическое образование. Указом от 15 ноября 1880 г. на департамент государственной полиции было возложено руководство как политической, так и общей полицией. Департаменту государственной полиции подчинялся и отдельный корпус жандармов, который был органом дознания по политическим преступлениям. Министр внутренних дел становился одновременно и шефом жандармов [5, с. 311].

Таким образом, полиция в Российской империи была довольно малочисленной структурой и численность полицейских чинов редко превышала две-три сотни человек на всю губернию. Малочисленность низового состава полиции несколько компенсировалась возложением на дворников обязанностей оказывать помощь городским в случае необходимости. С такой помощью, а также благодаря тому, что уровень преступности в стране был на порядок ниже ныне существующего, полиция кое-как могла контролировать ситуацию и обеспечивать охрану правопорядка. В связи с этим считать дореволюционную Россию полицейским государством может только тот, кто на веру принимает устоявшиеся в советскую эпоху идеологические штампы о тотальном полицейском контроле над населением со стороны политической полиции. Осуществлять такой контроль при таком составе корпуса жандармов вряд ли было возможным.

Служба в полиции всегда была тяжелой и опасной, а в годы обострения политической борьбы особенно. Революционеры всегда считали полицейских «врагами народа». Так, в ходе, по мнению многих историков, «бескровной» февральской революции 1917 г. в Петрограде было перебито около 80% городских, которые до конца пытались исполнять свой долг по поддержанию порядка в городе [2, с. 115].

Использованная литература

1. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений. / М.Ю. Лермонтов. – М.: Государственное издательство, 1929. – 736 с.
2. Музафаров, А.А. 10 мифов о России. / А.А. Музафаров. – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – 320 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 21. – № 15379. – СПб., 1862.
4. Дуганец, А.С., Мухортов, А.А. Организационно – правовые формы деятельности городской полиции России в конце 18 века. / А.С. Дуганец, А.А. Мухортов. – Административное право и процесс. – 2007. – № 5. – С. 23-25.
5. Сизиков, М.И., Борисов, А.В., Скрипелев, А.Е. История полиции России. (1718 – 1917 гг.). Вып. 2. / М.И. Сизиков, А.В. Борисов, А.Е. Скрипелев. – М.: А.П.О., 1992. – 368 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Беляев А.В.,
кандидат исторических наук, доцент

Опираясь на взгляды авторов теории элит Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса и их последователей, можно с уверенностью утверждать, что политический курс государства определяется властвующим меньшинством. Стабильность правящей политической элиты является важнейшим фактором устойчивого развития государства. Национальная элита выступает гарантом политической независимости государства и способствует его социально-экономическому и культурному развитию, но лишь в том случае, если политические и экономические интересы правящего класса лежат внутри управляемого им государства и общества. В настоящее время тенденции глобализации привели к созданию ситуации, когда правящие классы начинают превращаться в космополитические группы. Западный политолог К. Лэш отмечает: «...рынок, на котором действуют новые элиты, теперь является международным по масштабу. Своими